

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Санкт-Петербургский филиал

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАВая
ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ**

Историко-социологические очерки

Часть II

**РОССИЙСКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Выпуск I

Санкт-Петербург
1992

Редакционная коллегия:
О. Т. Вите, В. М. Воронков,
Р. Ш. Ганелин (отв. редактор),
Б. М. Фирсов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть II. Российская консервативная идеология и современность.

Патриотизм и марксизм (Воронков В. М.)	5
Национализм и русская историография XX века (Лурье Я. С.)	19
К вопросу о культурно-психологических истоках русского тоталитаризма (Бочаров В. В.)	41
Борцы за «Святую Русь» и защитники «Советской Родины» (Мороз В. Л.)	68
Национал-патриотическое движение в Ленинграде (Ансберг О. Н., Левинская И. А., Лесман Ю. М., Узунова В. Г.)	97
Первые выступления	97
Румянцевский сквер	104
Начало широкой пропагандистской кампании	113
Процесс Романенко против Катерли и попытки открытой борьбы	119
Выборы 1989 г.	125
Новые организационные формы.	129
Навстречу выборам 1990 г.	140
«Память» (Прибыловский В. В.)	151
Современный умеренный консерватизм как идеологическое течение (Дука А. В.)	171
Идеологема «руссофобия» в контексте ответственного политического поведения (Островская Е. П.)	186
В поисках опоры для национального самосознания русских (Шабанов А. Г.)	200
Языковые контуры патриотического сознания (Синочкина И. С.)	221

В общественном сознании достаточно распространены мифологизированные представления, которые заведомо считаются священными. Один из таких мифов связан с комплексом понятий «родина», «отечество», «патриотизм». В развернувшейся в связи с перестройкой общественной борьбе практически все стороны, даже расходясь по прочим позициям, дружно заверяют в своем безусловном патриотизме. Здесь споры могут идти лишь о том, кто из противников «патриотичнее». Могут возникать разногласия по поводу тех или иных нюансов патриотических чувств. Однако святость слова «родина» признают все: «Огонек» и «Наш современник», программы всяческих общественных движений и Программа КПСС. Обвинения в непатриотизме считаются серьезными и вынуждают оправдываться.

Сегодняшняя общественная борьба неизбежно заставляет разобратся в этом казалось бы ясном, имеющим исключительно позитивный смысл понятии «патриотизм». Сегодня, с одной стороны, мы наблюдаем патриотический подъем в республиках. С другой, набирает силу русский патриотизм, крайние проявления которого мы находим в идеологии общества «Память».

Патриотизм — идеологический фундамент всех направлений «памятно-охранного движения» (по удачному самоопределению автора очередного «манифеста» антиперестроечных сил А. Байгушева в журнале «Москва»¹): от писателей-почвенников до национально-патриотического фронта «Память». Но так ли уж несомненны патриотические лозунги для тех, кто левее «Нашего современника», для демократов, пытающихся постоянно эти лозунги перехватить?

Хотя в общественном сознании происходит символический отказ от марксизма, хочу его реабилитировать, по крайней мере, в отношении рассматриваемой проблемы. Эпоха вульгаризации марксизма, сталинская идеология оставили нам тяжелое наследство в виде огромного числа понятий, насквозь мифологизированных, объединяющих под одним именем различные — вплоть до противоположных — явления. Мы привычно оперируем этими понятиями, что делает принципиально неразрешимыми многие общественно-ведческие проблемы. Попробуем здесь прояснить, что же такое патриотизм, космополитизм, национализм, интернационализм, посмотрим, что стоит за «очевидной» простотой этих понятий.

Эти понятия входят в блок политических символов и несут прагматическую функцию. Они имеют эмоциональную и оценочную окраску и являются инструментом идеологического манипулирования. Созданные политической элитой, эти символы служат форми-

рованию определенной политической психологии в целях оправдания и обеспечения поддержки конкретной политики.

Я согласен с авторами, которые анализируют искаженное сталинизмом понятие «космополит» (Н. Юхнева в «Радуге», № 11, 1988; В. Костиков в «Огоньке», № 7, 1989; Г. Гусейнов в «Век XX и мир», № 1, 1989). Их аргументы мне кажутся вполне достаточными, чтобы поставить под сомнение привычные представления о космополитизме как «реакционной буржуазной идеологии».

Важно подчеркнуть, что разведение понятий «космополитизм» и «интернационализм» в общественном сознании произошло относительно недавно, а прямо противоположными они стали считаться лишь в ходе известной кампании по борьбе с космополитизмом. Ф. Энгельс, например, употреблял понятие «космополитический» исключительно в смысле «свободный от национальной ограниченности и национальных предрассудков»². Н. В. Юхнева справедливо обратила внимание на то, что раньше понятие «космополит» всегда употреблялось в том же значении, что и «интернационалист». Противоположная ценностная окраска космополитизму и интернационализму была придана в интересах упрочения идеологии сталинизма.

Как заметил Ф. Искандер, раньше «не было слова национализм, а было слово патриотизм, практически сниженное»³. Если интернационализм и космополитизм суть синонимы, то и противоположные им понятия национализма и патриотизма тоже при некоторых уточнениях оказываются синонимами⁴. Однако до сих пор эмоциональное значение символов сохраняется вопреки тождеству понятий. В этом смысле показательно высказывание такого тонкого знатока русского языка и культуры вообще, как академик Д. С. Лихачев: «Мы не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм»⁵. Однако, когда он попытался сделать это «по-настоящему», то не ушел далее привычного: патриотизм был определен как добро, а национализм как зло. Языком Д. С. Лихачева говорит в данном случае эпоха, а его непоследовательность — результат свойственных этой эпохе идеологических стереотипов.

В международной политической терминологии «национализм» означает просто патриотизм по отношению к своей стране⁶. И понятно поэтому, что за негодованием писателя В. Распутина («Почему в последнее время стало возможным патриотизм называть национализмом, а национализм прикрывать патриотизмом?!»⁷), понимает он это или нет, неизбежно стоит сталинизм, разведший также и эти понятия, и придавший им противоположную ценностную окраску. Может быть, стоит разоблачить, наконец, те губительные мифы, которые прочно укоренились в нашем сознании⁸.

Выше я попытался объяснить соотношение четырех понятий-символов, которые широко применяются при построении советской

идеологии. Но теперь встает вопрос анализа позиций, которые стоят за интернационализмом-космополитизмом, с одной стороны, и национализмом-патриотизмом с другой, за отождествлением и разведением этих понятий. Создание указанных бинарных оппозиций послужило в советской истории смене идеологии (интернационализма на национал-шовинизм) и соответствующей политики.

К. Маркс в свое время показал, что по мере становления мирового рынка развивается космополитизм товарладельцев «как вера практического разума в противоположность традиционным религиозным, национальным и прочим предрассудкам, которые затрудняют обмен веществ среди человечества»⁹. В этом смысле пролетарий, как владелец товара рабочая сила, является таким же космополитом, как и крупный буржуа.

Из трех важнейших классов капиталистического общества только крестьянство, наиболее отягощенное докапиталистическими пережитками, стоит на принципиально противоположной позиции. Таким образом формируется противоречие: с одной стороны интернациональная крупная буржуазия, интернациональный пролетариат, а с другой — патриотическая мелкая буржуазия (крестьянство).

Понятно, почему чувство патриотизма особенно характерно для крестьян. В силу особенностей традиционного общества и сельскохозяйственного производства, крестьянин сравнительно менее подвижен («без земледелия нет любви к Отечеству»), слабо связан с другими народами, мир его ограничен часто крестьянской общиной. Лев Толстой называл патриотизм рабством, как мне кажется, потому, что крестьянский патриотизм фактически идеализировал, освящал рабскую зависимость крестьянина от общинных отношений.

Кстати, патриотизм — категория историческая, отнюдь не вечная. Для древних понятия патриотизма в современном смысле не существовало. *Ubi bene, ibi patria* (где хорошо, там и родина). Или: «весь мир — отечество для благородного мужа» (Еврипид). Прежде человек обязан был соблюдать преданность не национальному государству, а политической организации или идеологической общности, таким как племя или клан, город-государство или феодальный союз, династическое государство, церковь или религиозная группа¹⁰. Национальный признак существенного значения не имел.

Возникшая в Англии XVII века национально-патриотическая идея отражала становление капитализма в борьбе с феодальными пережитками. Подлинное рождение этой идеи в современном смысле следует отождествить с рождением французской нации в 1789 году, когда впервые в истории были сметены все географические и классовые барьеры и достигнуто национальное единство. Во

всех общинах Франции были воздвигнуты «алтари Отечеству» с надписью «Гражданин рождается, живет и умирает во имя Отечества», куда стекались люди с пением патриотических песен¹¹.

Г. Кон обращает внимание на то, что британский, американский, французский национализм были направлены на создание либерального и рационального сообщества граждан, на обеспечение гражданских прав в духе философии Джона Локка. А национализм феодальных наций (в частности, российской) возник как реакция на эти процессы и носил заведомо реакционный характер¹².

Для России патриотический всплеск совпал с Отечественной войной 1812 года, когда по инициативе Карамзина было прославлено и идеализировано российское прошлое, в результате чего возникло представление, что православный россиянин — самый совершенный человек на земле. К тому времени идея служения Отечеству насчитывала в России около столетия. Феофан Прокопович, стремясь приспособить русский абсолютизм к концепциям общественного договора, разработанным в трудах западно-европейских мыслителей, отделил понятие «государство» от понятия «государь». «Иерархия, существовавшая в русской средневековой идее государства: царь служит богу — народ служит царю, сменилась новым соотношением: и царь, и подданные служат Отечеству, «общему благу государства»¹³. Так что, вопреки распространенному мнению, российский патриотизм — явление достаточно недавнее.

Идущая от Великой французской революции патриотическая идея была прогрессивна до тех пор, пока лежала в основе борьбы с реакцией всей Европы, борьбы с феодализмом. Однако, капитализм, вызвавший к жизни идею отечества, по мере своего развития ее же расшатывал, стремясь выйти за пределы этого отечества. Плеханов в работе «Патриотизм и социализм» писал: «Отечество есть категория историческая, то есть преходящая по своему существу. Как идея племени сменилась идеей отечества, сначала ограниченного пределами городской общины, а потом расширившегося до нынешних национальных пределов, так идея отечества должна отступить перед несравненно более широкой идеей человечества»¹⁴.

Для европейского пролетариата идея отечества отпала довольно скоро, по мере того, как его интересы все более расходились с интересами враждебных ему классов после победы буржуазной революции. Однако созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы не только в массе мелкой буржуазии, но и в части пролетариата. И все же «рабочие не имеют отечества», как заявлено в Коммунистическом манифесте. Неоднократно возвращаясь к разъяснению этого положения, Ленин отмечал, что вопрос об отечестве для пролетариата стоит постольку, поскольку ему не безразличны политические, социальные, культурные условия классовой борьбы, «а не в силу какого-то буржуаз-

ного, совершенно неприличного в устах социал-демократа «патриотизма»¹⁵.

Кажется, все ясно. У пролетариата нет отечества, поскольку при капитализме нет такого места на земле, где социальные условия отвечают интересам трудящихся. Но вот произошла Октябрьская революция, которая должна была стать, согласно марксистской доктрине, детонатором в цепи социальных революций в других странах. И Ленин вновь и вновь возвращается к разъяснению нового смысла «защиты отечества»: «За **социализм** как отечество, за Советскую республику как отряд всемирной армии социализма»¹⁶. Здесь ничего не говорится о патриотизме как преданности некоей территориальной общности. Речь идет исключительно о преданности социализму, социалистическому обществу, новым условиям развития человека. И понятно, почему своим отечеством считал Советский Союз весь мировой революционный пролетариат, во многом сохранивший даже в годы наибольших репрессий веру в то, что только СССР создал условия жизни, достойные трудящихся.

В 20-е годы в идеологии РКП(б) несомненно господствовал интернационализм. Он стал не только теорией, но и практикой строящегося социализма. Создавались благоприятные условия для развития всех народов. Во многих городах страны национальные меньшинства имели возможность выпускать свои газеты, создавать свои школы и культурные учреждения. Гимном страны стал Интернационал. Инструментом внешней политики — Коминтерн. Такое же название носила первая программа радио. Слова «патриот», «родина», «Россия» имели негативную окраску и не употреблялись. Правда, уже и тогда можно было обнаружить расхождение между провозглашаемой на словах интернационалистской идеологией и практикой сталинизма в области национальной политики.

После смерти Ленина у борющихся за власть Троцкого и Сталина сформировались диаметрально противоположные концепции дальнейшего развития. Для Троцкого, безусловно преданного идее интернационализма, наиболее важным было наднациональное, «внешнее» единение, единение прогрессивного авангарда всех стран в процессе мировой революции. Сталин же был склонен к «внутренней» консолидации народа в процессе строительства социализма в одной стране.

Воплощение получила сталинская модель социализма. И по мере реализации становилось ясно, что лозунги интернационализма неадекватны этой модели, они не срабатывают. Вспомним обращение М. Рютина к коммунистам еще в 1930 году: «Вера масс в дело социализма подорвана, их готовность самоотверженно защищать пролетарскую революцию от всех врагов с каждым годом ослабевает»¹⁷. В преддверии ожидаемой войны с Германией и Японией возникло опасение, что крестьяне не пойдут защищать социализм, который строится на их костях, впрочем, и новый рабочий

класс, рекрутируемый из крестьян, в этом смысле был ненадежен.

Понимая это, отказавшийся от идеи мировой революции Сталин решил эксплуатировать столь близкую крестьянству патриотическую идею. Нужно было подвести идеологическую базу под реальный сталинский социализм. Патриотизм, национальная традиция стали той ценностью, которая эффективно цементировала сталинский режим, укрепляя мощь его власти.

Объективной основой замены символа интернационализма на патриотизм были исторические условия: государственные границы СССР совпадали тогда с границами социализма как общественного строя. Национально-территориальный фетишизм социализма, строящегося в одной стране, приобрел прочность народного предрассудка в виде идеологического стереотипа, что социализм и СССР — понятия тождественные. Впоследствии это привело к господствующему представлению о единственности социализма (серьезнейшим идеологическим тормозом перестройки для самих ее инициаторов были заклипания о «социалистическом выборе» именно в вышеуказанном смысле). Это же определило на десятилетия наши отношения с другими странами, строившими социализм, определило беспощадное подавление любых попыток воплощения идеи о различных моделях социализма.

Новая идеологема, новые символы требуют новых мифов. Следовало срочно переписать историю (что стало впоследствии делом привычным) в духе патриотизма. Как известно, в исторической науке в 20-е годы господствовала школа М. Н. Покровского, первого в России крупного историка-марксиста. Написанный им курс скорее можно было бы назвать курсом истории «классовой борьбы и революции» по определению Б. Ф. Поршнева. Для утверждения другой истории необходимо было покончить, в первую очередь, с исторической школой, насквозь пронизанной идеями интернационализма. Сам Покровский успел умереть своей смертью в 1932 году. И тут же началась борьба с его «ересью». Сталин дает указание Бухарину и Радеку писать разгромные статьи на эту тему. Критика ошибок, действительно присущих школе Покровского, позволила заодно выплеснуть и марксистские положения, не укладывающиеся в сталинскую концепцию. В августе 1934 года написаны «Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по «Истории СССР», которые были опубликованы в январе 1936 года¹⁸. «Правда» критикует Покровского за то, что он недооценивал значение духовных факторов в историческом развитии России¹⁹. Обвинения в «национальном нигилизме» до сих пор сопровождают имя историка на страницах патриотической печати.

В «новой» истории акцент перемещается на величие минувшего, на воспевание деяний отцов и дедов. При этом само восстание сыновей против отцов отошло на задний план, критика прошлого с

позиций борьбы трудящихся против эксплуатации существенно ослабла. Борцов с царизмом, вождей крестьянских восстаний, в том числе и национальных, потеснили новые герои — символы державной мощи: Петр I, Иван Грозный, Александр Невский, Суворов, Кутузов. О них создаются грандиозные эпопеи в литературе и кино. Во время войны утверждаются ордена, носящие имена великих полководцев прошлого. Позитивно оценивается имперская царская политика, проводимая руками этих полководцев. Присоединение новых территорий обосновывается теорией «наименьшего зла», а позже и вовсе интерпретируется как желанный переход народов под охрану могучей России, как толчок к их ускоренному развитию²⁰.

Русский философ Г. П. Федотов, откликаясь в конце 30-х годов на появление нового советского школьного учебника истории, пишет: «Достаточно ясно, какой характер носит сталинский национализм. В истории России он приемлет ее экспансию, оставаясь совершенно чуждым внутреннему содержанию русской культуры. Только это и отличает его от традиционного черносотенства, в которое он сплошь и рядом скатывается. Против аристократической свободы (Новгород) за демократическое самодержавие (Грозный и Пугачев) — такова политическая установка Сталина»²¹.

1934 год — год возрождения понятий «отчизна», «советская родина», «Россия», «матушка-Русь». Слово «родина» впервые употреблено Сталиным в приветственной телеграмме летчикам-челюскинцам: «Рады, что вы... оказались достойными сынами нашей великой родины». Позже в «Вопросах ленинизма» Сталин выдвигает требование «развивать и культивировать советский патриотизм»²².

А средства массовой информации уже готовы формировать соответствующее общественное мнение. В «Известиях» того времени появляется такая, например, фраза, которая впоследствии становится общим местом: «Любить родину, знать ее историю — **обязанность** (подчеркнуто мной — В. В.) каждого советского гражданина»²³. Так появляется и новая обязанность. О любви к Родине говорят, слагают стихи, она воспета в народных песнях. В условиях сталинской национальной политики, в феодальной социалистической империи декламируемый патриотизм неизбежно способствовал укреплению великодержавного шовинизма. Это впоследствии было закреплено в известном послевоенном тосте Сталина за «наиболее выдающуюся из всех наций, входящих в состав Советского Союза», за «руководящий русский народ»²⁴.

А. Синявский, отмечая знаменательные по стилю и лексике статьи, появившиеся в советских газетах в связи с помпезным празднованием 125-й годовщины Бородинского сражения, реконструирует неизбежно следовавший из этих статей вывод: «Русский

народ, независимо от крепостного права, независимо от помещиков, независимо от царского гнета, — все равно оказывается самым великим и самым могучим народом. Значит, в истории действуют и побеждают не классовые, а национальные факторы. Значит, русский народ где-то изначально сильнее и лучше всех других народов... Интернациональные «классовые принципы» отстают перед национальным величием героев, которые становятся символами Российского и Советского великодержавия»²⁵.

Укрепила патриотическую идеологию концентрация единства народа, декларированная в Конституции 1936 года. Ликвидируются формальные привилегии для рабочих. Вводятся всеобщие прямые и тайные выборы. Провозглашается «примирение» с интеллигенцией. Повышается внимание к беспартийным. Война формирует общенародные цели: защиту СССР от фашизма, восстановление разрушенного хозяйства, консолидацию расширившейся на западе сталинской империи. Эти цели возможно осуществить усилиями не только партии, но и всего народа, даже церкви здесь отводится своя роль. Точнее сказать, без церкви защитить сталинские «коммунистические идеалы» становится уже невозможным.

Понятие «народ» теперь ключевое — все благодеяния совершаются также во имя народа. Образ классового врага переходит в образ «врага народа». Патриотически-шовинистическое сознание требует каждого врага идентифицировать с каким-либо иностранным шпионом, что последовательно претворяется отнюдь не только в сталинские времена. И до сих пор мы сталкиваемся с попытками объяснить всяческое инакомыслие просками зарубежных сил, влиянием Запада.

«Национальное» перерождение революционной идеологии лишает смысла и важнейшую ее составную часть — интернационализм. Третий Интернационал остановится тормозом в новой внешней политике. Теперь на первый план выходит общение «народов» (то есть государств). Для Сталина, как руководителя государства, отношения с Рузвельтом и Черчиллем не должны затрудняться подчеркнутой поддержкой им, как лидером партии, партий, находящихся в оппозиции в других странах. Поэтому, в частности, Коминтерн ликвидируется окончательно в 1943 году (до того физически уничтожена уже большая часть коминтерновцев).

Теперь уже можно не размышлять, как отразится на интернационалистических убеждениях та или иная политическая акция. Можно, например, провозгласить в качестве лозунга ненависть к немцу вообще, например, начертав на плакате: «Увидишь немца — убей его!». Можно при этом забыть то, что писал Ленин во время предыдущей войны с Германией: «Ненависть к немцу, бей немца! — таков был и остался лозунг обычного, то есть буржуазного патриотизма. А мы скажем: «Ненависть к империалистическим

хитцам, ненависть к капитализму, смерть капитализму», и вместе с тем: «Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими»²⁶. Впрочем, сталинская внутренняя и внешняя политика, парализовавшая главную силу сопротивления фашизму в Германии — компартию — и этим обеспечившая приход Гитлера к власти, сделала тем самым «братский союз с немецкими рабочими» уже невозможным.

1944 год страна встретила новым гимном, который заменил «Интернационал». Гимн чисто государственный, память о революции и интернационализме стерта, славятся, в первую очередь, патриотическая армия. А слова «Навеки сплотила великая Русь» заодно закрепляют в сознании каждого сталинское понятие Союза ССР, понимание границ прав (то есть их отсутствие) каждого народа на самоопределение.

С интернационализмом было покончено, но лозунги его сняты не были, они лишь видоизменились. Так сложилось в наших представлениях, что интернационализм в понимании Сталина одолел марксистское понимание интернационализма. Сталин такой же «интернационалист», как и «марксист» вообще, но формула «Сталин — это Ленин сегодня» настолько закрепилась в подсознании, что ее отрицательная инверсия в формулу «Ленин — это Сталин вчера» объясняет недовольное отношение многих и ко всем понятиям марксизма, в частности, к интернационализму. Интернационализм по Ленину — готовность своей нации идти на жертвы ради общего дела социализма. Интернационализм по Сталину — вынуждение других наций к жертвам во имя дела «Ленина — Сталина», во имя «наиболее выдающегося» и «руководящего», наиболее «социалистического» народа. Это положение и лежит в основе идеологии, названной на Западе национал-большевизмом.

В программе КПСС особо говорилось о сочетании патриотического и интернационального воспитания. Возникает законное сомнение в том, что подлинный интернационализм совместим с проповедью патриотизма. Французский социалист Г. Эрве так сформулировал проблему: «Можно ли примирить патриотизм с интернационализмом? Да, примерно так же, как воду с огнем!»²⁷.

В марксистском понимании интернационализм, однако, в принципе не противоречит национальным интересам, о чем пишет Г. В. Плеханов: «Социалистический интернационализм несомненно совместим с самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны, но он совершенно несовместим с готовностью поддерживать родную страну там, где ее интересы приходят в противоречие с интересами революционного человечества, то есть международного движения пролетариата, то есть прогресса»²⁸. И репрессии 30-х годов, и борьба с космополитизмом, и более позднее преследование инакомыслия всегда оправдывались патриотичес-

